
ТЕКСТОЛОГИЯ

УДК 811.551.3+81'35
DOI 10.25205/2312-6337-2021-1-79-94

Публикация корякских фольклорных текстов: причины орфографической вариативности

Т. А. Голованева

Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

Аннотация

В статье представлены результаты текстологического анализа современных публикаций на корякском языке. Необходимость данной статьи обусловлена сложностью графико-орфографической подготовки корякских фольклорных текстов к изданию в рамках двуязычной академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Корякский язык относится к языкам с неустоявшейся письменностью, что проявляется в хаотичной орфографической вариативности, присущей публикациям на нем. В статье впервые представлен обзор некоторых орфографических трудностей корякского языка. В частности, рассматриваются нетривиальные случаи неоднозначного написания: 1) отражение на письме неопределенного гласного [э]; 2) выбор написания *йи* или *йы*; 3) отражение на письме сочетания мягкого согласного и следующего за ним неопределенного гласного [э], обозначаемого на письме буквой *ы*; 4) удвоение согласных на стыке морфем. Орфографическая вариативность, наблюдаемая в изданиях на корякском языке, обусловлена конфликтом фонематического и морфологического принципов, релевантных для корякской письменности. Кроме того, в условиях доминирующего двуязычия корякская письменность находится под сильным влиянием русской системы письма, что ставит под сомнение саму возможность развития национальной письменной культуры с присущими ей графико-орфографическими особенностями.

Ключевые слова

коренные народы Камчатки, коряки, чавчувены, корякский фольклор, корякский язык, корякская письменность, младописьменные языки, орфография, текстология

Благодарности

Автор статьи благодарит младшего научного сотрудника сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН Т. В. Тимкина за проведение спектрографического анализа звучания корякских слов и подробные пояснения к спектрограмме.

Для цитирования

Голованева Т. А. Публикация корякских фольклорных текстов: причины орфографической вариативности // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2021. № 1 (вып. 41). С. 79–94. DOI 10.25205/2312-6337-2021-1-79-94

© Т. А. Голованева, 2021

ISSN 2312-6337

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2021. № 1 (вып. 41)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2021. No. 1 (iss. 41)

Publication of Koryak folklore texts: causes of orthography variability

T. A. Golovaneva

Institute of Philology of the SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

This work is motivated by graphic and orthographic difficulties in preparing Koryak texts for publication in the “Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East.” Koryak language spelling difficulties are analyzed for the first time, particularly non-trivial cases of ambiguous spelling requiring comprehension and codification. For example, the spelling of equivocal vowel sound [ə] proves a problem. The normative spelling not allowing two consonants at the beginning of a word is due to the historical reconstruction of the Koryak phonological system. However, the indefinite vowel [ə] sometimes is reduced so as not to be identified by the modern Koryak speakers, with its designation with the letter *ы* [ə] causing reading mistakes. Also, the spelling of *йу* [ji] or *йы* [jə] is complicated, with the choice between these two variants based on morphologic principle and defined by this syllable position in the word: root morpheme, affix or in between two morphemes. The spelling of soft consonant followed by equivocal sound [ə], designated in writing by *ы* [ə], remains to be identified. This combination provokes orthographic variability observed in the publications in Koryak. Variability appears in spellings of word forms with *-зыйу* [-ʒəjɯ], *-йыйт* [-jəjt] and in spellings of double consonants between two morphemes. The orthographic variability in Koryak publications is due to the conflict in phonemic and morphologic principles relevant for Koryak spelling. Moreover, given the dominant bilingualism, Koryak writing is strongly influenced by the Russian spelling, making the possibility of developing a national writing culture questionable.

Keywords

native people of Kamchatka, Koryaks, Chauchuvens, Koryak folklore, Koryak language, Koryak spelling, languages with new spelling, orthography, textology

Acknowledgements

The author would like to thank T.V. Timkin, Junior Researcher at the Department of the Languages of the Peoples of Siberia of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, for his spectrographic analysis of the sound of Koryak words and his detailed explanations of the spectrogram.

For citation

Golovaneva T. A. Publikatsiya koryakskikh fol'klornykh tekstov: prichiny orfograficheskoy variativnosti [Publication of Koryak folklore texts: causes of orthography variability]. *Языки и фольклор коренных народов Сибири* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2021, no. 1 (iss. 41), pp. 79–94. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2021-1-79-94

Введение. В настоящее время корякский язык находится в критическом состоянии, поэтому расшифровка и публикация текстов являются главными задачами филологов, работающих с данным материалом. В секторе фольклора народов Сибири Института филологии Сибирского отделения РАН в рамках подготовки томов двуязычной академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» запланирована публикация фольклорных произведений на корякском языке. В ходе работы с национальными текстами обнаружилось объективные трудности орфографического характера. Появилась необходимость упорядочить случаи отклонения от орфографической нормы¹, наблюдаемые в публикациях на корякском языке. Такое исследование позволит избежать ошибок при подготовке корякских фольклорных текстов к изданию.

Материалом для исследования послужили современные публикации фольклорных и авторских текстов на корякском языке, из которых методом сплошной выборки извлечены примеры нарушения словарной нормы². При этом не учитывались случайные опечатки, пропуски букв, имеющие эпизодический, несистемный характер.

¹ В данном исследовании в качестве нормативного образца принят корякско-русский словарь [Молл, 1960].

² Анализ публикаций на корякском языке позволяет утверждать, что в данном случае орфографическая вариативность не связана с диалектными особенностями, так как все рассмотренные тексты опубликованы на чавчувенском диалекте корякского языка.

Корякская письменность была создана в 1932 г., затем претерпела ряд изменений и с 1960 г. существует в неизменном виде, однако публикациям на корякском языке в высокой степени присуща орфографическая вариативность, что является следствием объективных трудностей становления национальной письменности в условиях неравноправного двуязычия. Частотные орфографические отступления требуют анализа, который в свою очередь поможет упорядочить систему корякской письменности.

Социолингвистические причины орфографической вариативности. В отличие от многих младодописьменных языков, для которых на протяжении второй половины XX в. было характерно разнообразие графических систем, графика корякского языка существует в неизменном виде уже 60 лет. Казалось бы, наличие кодифицированной графической системы на протяжении этого времени должно было бы способствовать развитию письменности на нем. Но ситуация сложилась иначе. Корякский язык был исключен из школьной программы в 1954 г. Поколение коряков-чавчуменов, родившихся в период с 1947 по 1973 г., не овладели навыками чтения и письма на родном языке, этим и объясняется их резкое неприятие официальной корякской письменности³. Приведем высказывание нашей постоянной рассказчицы Надежды Семеновны Кузнецовой-Кергубье: «Я вот эту вашу писанину на корякском языке совсем не понимаю! Я только рассказывать могу!»

Прекрасно владеющая корякским языком Лилия Александровна Аймык после нашей просьбы прочитать текст на корякском языке призналась: «Сами придумали хвосты всякие, закорючки. Я, например, в учебнике корякского языка из одного предложения могу понять три слова только!»

Приведу цитату из тетради Александры Алексеевны Симоновой (Кергильхот): «Изучая этот [книжный] чавчувенский, дети так мучаются, коверкают язык и в результате ни к чему хорошему не приходят. Составляют какие-то непонятные учебники-пособия, а дети тычутся в них и ничего не могут понять» [Мальцева и др., 2019, с. 198].

Резко критиковал существующую систему корякской графики Николай Иванович Тынетэгин, потомственный оленевод, прекрасный знаток родного языка, составитель авторского корякско-русского словаря: «Если начнем читать книги на их корякском, то вообще ничего не понимаем. Много-много не понимаем. Очень сложно. Вот сейчас учатся ученики читать по-корякски. Мы, чавчумены, начинаем читать эти учебники и так сложно-сложно. Читать-то, конечно, можно, но понимать – никак!»

Фольклорный текст, появившийся и бытующий как устный, при подготовке к изданию становится письменным. Однако противоречивые условия существования корякской письменности словно блокируют обращение этнических коряков к национальным письменным текстам. Тот фольклорный материал, который в итоге планируется издать в виде книги, соединяет в себе черты устной традиции и элементы письменной культуры. На одном полюсе коммуникативного взаимодействия – рассказчик, отрицающий адекватность письменного корякского текста, созданного с опорой на нормативную систему графики, а на другом полюсе – составитель, собиратель-исследователь, который придерживается утвержденной нормативной письменности.

При подготовке томов серии «Памятники фольклора...» мы задумываемся не только о том, какой должна быть книга, но и о том, для кого она создается. Опыт сотрудничества с носителями корякского языка позволяет нам утверждать, что потенциальные читатели тома, даже владеющие родным корякским языком, прежде всего будут читать русский перевод фольклорных текстов.

В условиях кризиса корякской письменности публикация текстов на нем имеет, скорее, научное, а не научно-популярное значение. По сравнению с привычной системой русского письма корякская письменность воспринимается этническими коряками как неудобная и неправильная. Возможно, при разработке корякской графики в 1960-е гг. необходимо было учитывать влияние доминирующей русской письменной культуры и, как следствие, неизбежный перенос навыков чтения и письма с одного языка на другой, но модернизировать корякскую графику в настоящее время уже нецелесообразно. Вряд ли нам удастся достигнуть всеобщего единодушия в этом вопросе.

В основу корякской графики был положен фонематический принцип, который позволяет соблюдать (в большинстве случаев) соответствие между фонемой и знаком алфавита. Помимо фонематического, значимую роль для корякской письменности играет морфологический принцип, который пред-

³ Анализ социолингвистических причин, препятствующих общественному признанию нормативной корякской письменности, представлен в статье: [Голованева, 2019].

полагает анализ морфологической структуры слова и в некоторых случаях противоречит фонематическому, что создает условие для появления орфограммы.

К вопросу о недопустимости стечения согласных в начале слова. С 1937 г. по настоящее время для записи корякских текстов используется кириллический алфавит. Оставшиеся к настоящему моменту носители корякского языка являются билингвами и отлично владеют русским языком. Навыки чтения и письма по-русски, освоенные коряками-билингвами еще в школе, закрепляются на протяжении всей их жизни, а вот правила чтения по-корякски приходится осваивать самостоятельно, в этих условиях проявление языковой интерференции неизбежно.

Человек, не знакомый с правилами корякской письменности, но прекрасно читающий по-русски, применяет отработанные навыки и при чтении корякских текстов, в итоге звуковой облик корякских слов искажается настолько, что даже хорошо знающие родной язык коряки не могут понять, какие корякские слова написаны.

В частности, в соответствии с русской системой письма буква *ы* обозначает средней долготы гласный звук [i̯]⁴. В корякской письменности буква *ы* обозначает иной, не тождественный русскому, краткий звук [э]⁵. В учебнике для педучилищ А. Н. Жуковой дается пояснение: «Буква *ы* обозначает краткий неопределенный призвук, который появляется при стечении согласных и служит для образования слогов. <...> Буква *ы* в корякском алфавите не соответствует букве *ы* в русском; она обозначает не фонему, а краткий призвук» [Жукова, 1987, с. 85].

Автор методических пособий по корякскому языку В. Р. Дедык предлагает давать упрощенную фонетическую транскрипцию, предназначенную для школьников, которая поможет им правильно читать по-корякски: *нымитгым* [нмитгым] ‘я умелый’, *кылганнин* [клганын] ‘он запрят’, *йылнин* [йлнын] ‘он отдал что-л.’ [Дедык, 2015, с. 44–45]. Такая упрощенная транскрипция в большей степени соответствует современному звучанию корякских слов, нежели орфографическая запись.

Корякско-русский словарь 1960 г., в условиях отсутствия более позднего издания, по сей день остается орфографическим словарем-справочником для редакторов корякских текстов. Несмотря на то, что в устной речи в ряде случаев стечение согласных в начале слова произносится бегло, без вставки гласного призвука [э], словарь регламентирует написание: *кымиуын*, *пылакыт* ‘пара обуви, торбаза’, *пылайтык* ‘обуваться’, *пычиу* ‘мелкая птица’, *тынуу* ‘сопка’, *пыче!* ‘постой!’ [Молл, 1960].

Примеры, подтверждающие количественную редукцию неопределенного гласного в позиции между двумя согласными в начале слова, встречаются практически в каждой публикации текстов на корякском языке.

Таблица 1

Примеры отражения на письме фонетического процесса утраты редуцированного гласного в позиции между согласными в начале словоформы

Источник	Авторский вариант записи	Словарный вариант [Молл, 1960]	Фонетическая запись	Перевод
[Кергильхот, 2019]	¹ тнуу ⁶ (с. 230)	<i>тынуу</i> (с. 95)	[tənu]	‘сопка’
	¹ тм’ён (с. 235)	<i>тым’ён</i> (с. 94)	[təmjon]	‘туша’
	¹ пакыт (с. 222)	<i>пылакыт</i> (с. 88)	[pələkət]	‘торбаза’
	¹ пайтык (с. 223)	<i>пылайтык</i> (с. 88)	[pəljtək]	‘обуться’
[Тынетэгин, 2020]	¹ пнэй (с. 122)	<i>пыной</i> (с. 89)	[pənoj]	‘вода спала на реке’
	¹ плепынь (с. 121)	<i>пылепын</i> (с. 88)	[pələpən]	‘удобно, ровно’
[Икавав, 1986]	¹ мьягинын (с. 5)	<i>мыягыйын</i> (с. 72)	[məjajəjən]	‘украшение на одежде’
	¹ млавык (с. 5)	<i>мылавык</i> (с. 71)	[məlavək]	‘танцевать’
	¹ пче (с. 13)	<i>пыче</i> (с. 89)	[pəče]	‘постой! погоди!’
[Бубенчикова, 1988]	¹ кмиуын (с. 12)	<i>кымиуын</i> (с. 55)	[kəmiŋən]	‘ребёнок’
	¹ птыткун (с. 14)	<i>пытыткун</i> (с. 88)	[pələtkun]	‘он закончил что-либо’

⁴ Обозначение звука дано в соответствии с символами Международного фонетического алфавита (МФА). URL: [Таблица МФА для русского языка — Википедия \(wikipedia.org\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Таблица_МФА_для_русского_языка).

⁵ Характеристика данного звука представлена в таблице Международного фонетического алфавита. См.: Шва // Википедия [Электронный ресурс]. URL: [Шва — Википедия \(wikipedia.org\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Шва). На сайте также размещена аудиоиллюстрация.

⁶ Здесь и далее в статье знаком (¹) обозначены примеры отступления от орфографической нормы.

[Харюткина, 2015]	¹ чвинин (с. 9)	чывинин (с. 102)	[čəvinən]	‘он отрезал что-либо’
	¹ пнэнин (с. 43)	пынэнин (с. 88)	[pənənən]	‘заточил он его’
	¹ тнупык (с. 56)	тынупык (с. 95)	[tənpʉək]	‘на сопке’
	¹ пленгыйнын (с. 56)	пыленгыйнын (с. 88)	[pələpʉəjɲən]	‘польза, удобство’

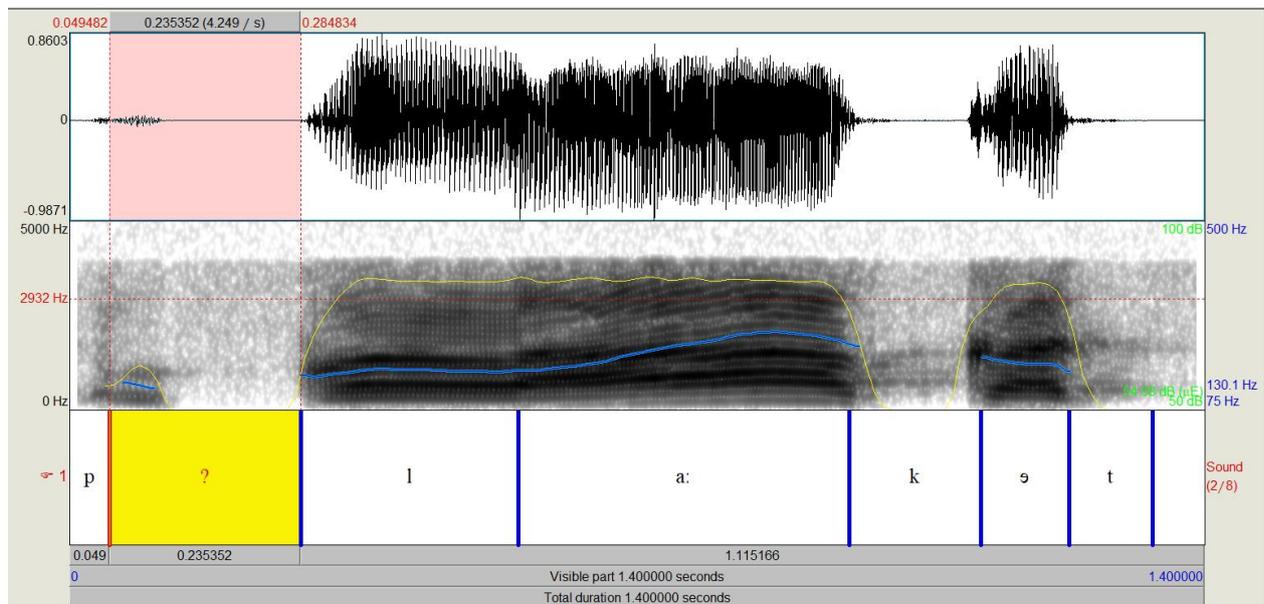
Стечение согласных в начале слов необходимо трактовать не как ошибочное написание, противоречащее словарю, а как объективный языковой факт, который свидетельствует о фонетическом процессе выпадения неопределенного гласного в начале словоформы.

В соответствии со словарным написанием в начале корякской словоформы недопустимо стечение согласных. Правило опирается на исторически реконструируемую систему слогового деления. Исследователь фонетики чукотского языка А. С. Асиновский отметил необходимость разрядки согласных гласным звуком [ə] как явление, характерное для «такой модели словоформы, которая является для чукотско-камчатских языков наиболее древней, исходной» [1991, с. 150]. К настоящему времени неопределенный гласный между двумя согласными в начале словоформы редуцировался настолько, что его трудно уловить на слух.

Сотрудник сектора языков народов Сибири ИФЛ СО РАН Т. В. Тимкин специально для данной статьи сделал спектрограмму, отражающую звучание слова *пылакыт* ~ *пакыт* ‘национальная корякская обувь (торбаза)’. Корякское слово произнесла этническая корячка Н. С. Кузнецова-Кергутье.

Таблица 2

Спектрографический анализ звучания слова *пылакыт* ‘национальная корякская обувь (торбаза)’

Благодаря спектрограмме звуковые особенности можно представить в виде графика. Интерпретируя изображение звучания слова *пылакыт*, Т. В. Тимкин дал следующее пояснение: «Верхняя часть графика – осциллограмма – показывает картину звукового колебания. Нижняя часть – динамическая спектрограмма – отражает изменения тембра в течение длительности словоформы. Желтый контур поверх спектрограммы – график интенсивности звука. Синий контур – график частоты основного тона, присутствующий только на сегментах, отличающихся фонацией голосовых связок. Между темной шумовой полосой, характерной для [p], и звонким малозумным сегментом, соответствующим [l], мы видим вставной элемент неясного тембра, обозначенный нами как «?». Пик интенсивности в этом месте говорит о слоговом характере данного элемента, словоформа, таким образом, является трехсложной. Контур частоты основного тона и характер спектра говорят о том, что слоговой элемент имеет начальную вокализацию, за которой следует малозумная фаза без наличия тона». Таким образом, объективный спектрографический анализ доказывает наличие слогового элемента между соглас-

ными [p] и [l]. Этот гласный выражен менее отчетливо, чем гласные второго и третьего слогов, так как имеет только начальную вокализацию, однако он тем не менее присутствует в слове.

На материале чукотского языка (близкородственного корякскому) П. Я. Скорик отмечал, что в «начальном неударном слоге краткий гласный [э] подвергается сильной редукции. <...> В результате этого, вопреки существующим фонетическим нормам, в начальном положении иногда возникает стечение двух согласных» [1961, с. 63]. Наибольшая редукция неопределенного гласного отмечается между смычным и щелевыми [p], [l], [c]: [плде-кэт] ‘обувь’, [мран-лэ-нэн] ‘комар’, [мраң-кач] ‘слева’, [плаг-тэк] ‘обуваться’, [цлик-кин] ‘двадцать’ [Там же, с. 65–66]. При разработке чукотской орфографии было принято компромиссное решение: в некоторых случаях допустить на письме стечение согласных в начале слова. В чукотской письменности стечение согласных в начале слова регламентировано словарем: *плекыт* ‘обувь’, *плягтык* ‘обуваться’ [Молл, Инэнлиткэй, 1957, с. 100], *кмин’ын* ‘ребёнок’, *кмин’атык* ‘родить ребёнка’ [Там же, с. 53]. Чукотско-русский словарь составлялся при непосредственном участии носителей чукотского языка, которые знали, как «на самом деле» звучат национальные слова, и принимали активное участие в формулировке орфографических правил, что отмечено в грамматике чукотского языка [Скорик, 1961, с. 63]. При составлении корякско-русских словарей носители корякского языка привлекались только как информанты, их голос не был решающим⁷. Именно поэтому корякско-русские словари в большей степени ориентированы на реконструкцию исторической системы слогового деления. Такая исторически ориентированная система орфографии была использована Г. М. Корсаковым в 1939 г. при составлении «Нымыланско (корякско)-русского словаря», а вслед за ним – Т. А. Молл в 1960 г. [Корсаков, 1939; Молл, 1960]. Относительно данной орфограммы следует отметить, что нормативная запись, к сожалению, несколько оторвана от реального звучания, поэтому в основном ею пользуются специалисты-филологи⁸. В этой связи символично звучат аргументы московских лингвистов в пользу отражения на письме редуцированного гласного [э] в ходе фиксации алюторской речи⁹: «Мы сохраняем этот гласный в записи словоформ во всех позициях, как это делают на практике все исследователи чукотско-камчатских языков. Интересно отметить, однако, что алюторцы не ощущают э как элемент своего произношения...» [Кибрик и др., 2000, с. 179].

Корякская орфография, предполагающая отражение на письме редуцированных гласных, предотвращающих стечение согласных в начале словоформы, удобна для исследователей, не имеет исключений, логична, позволяет реконструировать исконную слоговую структуру, но такая запись не принимается современными носителями корякского языка. Люди воспринимают нормативную письменность как не заслуживающую доверия.

В преддверии подготовки произведений корякского фольклора к публикации целесообразно задуматься, что делать с проблемным сочетанием согласных: следовать словарной норме или ориентироваться на опыт развития чукотской письменности, в соответствии с которой стечение согласных в некоторых случаях допустимо.

Выбор сочетания *йи* или *йы*. В дискуссиях о младописьменных языках в качестве главной выделяется проблема создания графики или наличия альтернативных алфавитов [Языки малочисленных народов..., 2017], но на практике с созданием алфавита проблемы не заканчиваются. Письменность должна вступить в свою силу, чтобы выявились орфографические трудности, неизбежные в ходе развития письменности как системного языкового феномена.

⁷ Символично, что в кратком предисловии к корякско-русскому словарю Т. А. Молл неправильно указала фамилии и инициалы студенток ЛГПИ им. А. И. Герцена, помогавших ей при составлении словаря. Неверно указаны инициалы Екатерины Наривлич (в замужестве Дедык), также неверно написана фамилия Веры Кавав. В словаре ошибочная запись: «В. Наривлич, В. **Камак**» [Молл, 1960, с. 2].

⁸ В русской системе письма есть буквенные сочетания, правописание которых также обусловлено исторически (*жи, ши, чу, шу* и др.), однако незыблемость таких орфограмм поддерживается отлаженной системой методических упражнений, нацеленных на многократное повторение, доведение соответствующего навыка до автоматизма, что в условиях факультативного преподавания корякского языка недостижимо.

⁹ Алюторский – язык оседлых коряков-нымыланов, близкородственный чукотскому и корякскому. Долгое время считался диалектом корякского языка. Официально статус самостоятельного языка получил в 2000 г. после внесения алюторцев в Единый перечень коренных малочисленных народов РФ.

Корякская орфография опирается на фонематический и морфологический принципы. При реализации фонематического принципа вопрос заключается только в том, насколько хорошо человек знаком с графикой корякского языка и может ли соотносить фонемы с соответствующими символами корякского алфавита. Сложности, возникающие при опоре на фонематический принцип, могут быть только социолингвистического характера: насколько конкретный человек знаком или не знаком с национальным алфавитом, насколько развиты его навыки соотнесения фонем и графических символов, какова степень автоматизма при письме или чтении – по большому счету, это все проблемы отдельного человека или, как в случае с корякским языком, проблемы национального сообщества. Собственно языковые проблемы начинаются тогда, когда необходимо отступать от фонематического принципа. Орфограмма всегда связана с возможностью потенциальной ошибки. Для того чтобы избежать хаотичной вариативности на письме, человек должен писать не то, что слышит, а то, что диктует орфографическое правило.

Для корякской орфографии проблемным является выбор сочетания *йи* [ji] или *йы* [jə]. Эти сочетания частотны для фонетики корякского языка и, в соответствии с языковой системой, далеко не все равно, первое или второе сочетание в том или ином случае будет отражено на письме.

В корякском языке буква *и* используется для обозначения гласного звука [i], буква *ы* – для обозначения неопределенного гласного [ə]. Наблюдаемая в публикациях на корякском языке хаотичность выбора *йы* или *йи* свидетельствует об объективной сложности данной орфограммы, так как на слух данные сочетания воспринимаются как очень близкие или даже тождественные.

При выборе сочетания *йи* или *йы* необходимо учитывать его позицию в слове. Сочетания *йи* и *йы* могут встретиться: 1) в корне слова, 2) в составе аффиксов, 3) на стыке морфем.

Выбор *йи* или *йы* в корне слова. Главным принципом для выбора написания *и* или *ы* в корне слова является опора на закон гармонии гласных. В корякском языке закон гармонии гласных состоит в том, что в пределах одного слова могут сочетаться либо «узкие» гласные I (слабого) ряда [i], [e], [u], либо «широкие» гласные II (сильного) ряда: [e], [a], [o]. Неопределенный гласный [ə] находится вне оппозиции гласных.

В процессе изменения слова гласные звуки I ряда при определенных условиях переходят в гласные II ряда: [i] → [e], [e] → [a], [u] → [o]. Например: *йиг'этык* 'радоваться', *ег'аллай* 'они обрадовались'. В данном случае при образовании формы прошедшего времени 3-го л. мн. ч. наблюдается изменение гласного в корне: [i] → [e]. В том случае, если в корне неопределенный [ə], замены гласного не происходит. Например: *йылэтык* 'спать' → *койылэаллау* 'они спят', *йылуык* 'считать' → *койылуылау* 'считают'.

В корякском языке имеются фонетически близкие глаголы: *йиуэк* 'лететь' и *йыуэк* 'вынести'. Различие гласного в корнях данных глаголов отчетливо проявляется при образовании формы деепричастия одновременного действия: *еуама* 'летая', *йынама* 'вынося'. При выборе написания *йи* или *йы* надо учитывать, что гласный [i] подчиняется закону гармонии гласных, поэтому [i] → [e], а краткий гласный [ə] не подчиняется: [ə] = [ə]. Перед тем как написать *йи* или *йы* в корне, необходимо подобрать проверочное слово, позволяющее определить, происходит ли переход гласного по закону гармонии гласных. Для глаголов таким проверочным словом будет форма 3-го л. мн. ч. или форма деепричастия одновременного действия, так как под воздействием суффикса мн. ч. *-ла-* или суффикса деепричастия *-ма* слабые гласные основы [i], [e], [u] переходят в соответствующие сильные гласные [e], [a], [o].

Т а б л и ц а 3

Орфограмма «Выбор сочетания *йи* или *йы* в корне слова»

Источник	Ошибочная запись в публикации	Нормативная запись	Перевод	Проверочная форма
[Икавав, 1987]	¹ эйилээткэ (с. 9)	эйылээткэ	'не спать'	<i>йылэаллау</i> 'они спят' [ə] = [ə]
	¹ гэйыг'елинэв' (с. 9)	гэйиг'эллинэв'	'обрадовались'	<i>коег'аллау</i> 'они радуются' [i] → [e]
	¹ тыйымгымгэвык (с. 15)	тыйимгымгэвык	'я испугался'	<i>емгымгыгыйын</i> 'ужас' [i] → [e]
[Харюткина, 2015]	¹ эйымгымгэткэ (с. 16)	эйимгымгэткэ	'не бояться'	<i>гайбыгыйытчоччымава</i> 'приготовив лук' [ə] = [ə]
	¹ ыйит (с. 58)	ыйыт	'лук (оружие)'	
[Бубенчикова, 1988]	¹ милыгыйыткуй (с. 16)	милыгыйыткуй	'выстрелил'	<i>еллау</i> 'будут' [i] → [e] <i>коемгымгылау</i> 'они боятся' [i] → [e]
	¹ йытыу (с. 6)	йытыу	'будет'	
	¹ йымгымгу (с. 13)	йимгымгу	'испугавшись'	

На первый взгляд, правило кажется вполне понятным, но применить его не так просто. Отсутствие ежедневной корякской разговорной практики снижает языковую чуткость носителей национального языка, общающихся в основном по-русски. Эта тенденция явно обнаруживается в условиях лингвистического эксперимента, когда исследователь просит собеседника подобрать соответствующую форму. Мы не раз были свидетелями того, как носитель корякского языка в ходе интервью начинает сомневаться и в итоге произносит несколько вариантов одного и того же слова. Как показывают экспедиционные исследования, в настоящее время подобрать ту или иную языковую форму получается далеко не всегда.

Выбор *йы* или *йи* в аффиксах. Проблема выбора сочетания *йы* или *йи* выявляется и при написании аффиксов. Для корякского языка частотным является суффикс *-йычг'* 'наполнение'. Правило формулируется просто и не имеет исключений: в суффиксе *-йычг'* после *й* пишется *ы*¹⁰. Наличие неопределенного гласного доказывается тем, что звучание суффикса *-йычг'* не зависит от гласных основы. Этот суффикс может присоединяться как к основам с гласными I ряда (*и, э, у*): *күкэ-йычг'-ын* 'содержимое ведра', *пцйкыль-йычг'-ын* 'содержимое чайника', *чеючгы-йычг'-ын* 'содержимое мешка', так и к основам с гласными II ряда (*э, а, о*): *ҕама-йычг'-ы-н* 'содержимое миски', *в'ойны-йычг'-ын* 'содержимое ложки' (примеры из пособия [Дедык, 2016, с. 32]).

Сложность также вызывает написание суффикса – показателя 1-го л. ед. ч. *-игым // -эгым*, если этот суффикс присоединяется к основе, оканчивающейся на *й*. Примеры ошибочного написания: *'налпыйыгым* [Икавав, 1986, с. 11], норм.¹¹ *налпыйигым* 'они одарили меня'; *'нэнытийыгым* [Там же, с. 15], норм. *нэнытийигым* 'хочет меня снять, спустить сверху вниз'. Наличие гласного [i] в показателе *-игым* доказывается подбором соответствующего фонетического варианта данного аффикса с гласным [e]: *тэҕын уойнуэгым* 'словно хвостик я' [Голованева, Мальцева, 2015, с. 30], *ныуыйкылэгым* 'я стеснительный' [Мальцева и др., 2019, с. 160].

Отступления от орфографической нормы наблюдаются и в тех случаях, когда данное сочетание появляется на стыке морфем. Примеры ошибочного написания: *'качачгачейиу* [Икавав, 1986, с. 18], норм. *качачгаччейиу* 'хочет'; *'тыпкийик* [Там же, с. 17], норм. *тыпкийык* 'я приблизился, подошёл'; *'йив'эуэнин* 'он открыл его' [Там же, с. 7], норм. *йыв'эуэнин* от *в'эуэтык* 'открыться'. Вопрос о выборе сочетания *йи* или *йы* на стыке морфем всегда решается однозначно. На стыке морфем после *й* пишется буква *ы*. Объясняется это тем, что неопределенный гласный [э] служит для выравнивания слоговой структуры и, соответственно, необходим для предотвращения стечения согласных, т. е. выполняет функцию соединительного (вставного) гласного.

Проблема обозначения неопределенного гласного [э] после мягкого согласного. По правилам корякской графики, гласный [э] на письме обозначается буквой *ы*, при этом нередки ситуации, когда неопределенному гласному предшествует палатализованный согласный. Как, пользуясь средствами русской графики, обозначить мягкость согласного, если следующий за ним гласный обозначается буквой *ы*? Каждый редактор корякского текста ищет собственный способ обозначения сочетания мягкого согласного и следующего за ним неопределенного гласного, нередко меняя этот способ на протяжении редактируемого текста. Как следствие, в публикациях появляется множество графических вариантов. Опора на словарное написание в данном случае не поможет, так как в словаре отражено ошибочное написание (ввиду элементарного отсутствия адекватных графических средств записи)¹². Ошибки, регламентированные словарем, провоцируют ошибки в печатных текстах. Редактор попадает в ловушку: как бы он ни написал слово с мягким согласным перед редуцированным гласным, оно все равно будет написано неправильно. Именно поэтому в пределах одного и того же текста наблюдается вариативность графического оформления: *кунныунин* 'держит его' [Бубенчикова, 1988, с. 7], *кунныуын* 'держишь его' [Там же, с. 9]; *напеннинав* 'они набросились на них' [Там же, с. 14], *апенныка* 'не набрасываясь' [Там же, с. 15]; *Ынно в'иннети Израильиу* 'Он помог Израилю' [Библия, 2005, с. 19], *йымайтагыйиун Израильиу* 'Спасение Израиля' [Там же, с. 26].

¹⁰ Пример ошибочного написания: *ҕамайычг'ын* [Икавав, 1986, с. 9], норм. *ҕамайычг'ын* 'содержимое миски'.

¹¹ Здесь и далее в статье используется сокращение норм. – нормативный, грамматически обоснованный вариант написания.

¹² Обзор словарных вариантов отражения на письме сочетания палатализованного согласного и следующего за ним неопределенного гласного представлен в статье [Голованева, 2018].

При публикации текстов на близкородственном корякскому алуторскому языке Юкари Нагаяма обозначает палатализацию согласного перед редуцированным гласным при помощи мягкого знака в верхнем регистре строки: *намл^ьысвиткуткынав* ‘измельчают’ [Нагаяма, 2020, с. 30], *напл^ьыткуткына* ‘они заканчивают их (готовить)’ [Там же, с. 30], *амн^ьымжыъа* ‘совсем немного’ [Там же, с. 35], *л^ьыляти* ‘посмотрел’ [Там же, с. 79]. Этот же способ обозначения мягкости согласного перед редуцированным использовали Ю. Нагаяма и Е. П. Пронина при подготовке корякских (чавчувенских) текстов: *иктыл^ьылялг^ьын* ‘ледяноглазый, букв. человек со светлыми глазами, русский’ [Нагаяма, Пронина, 2021, с. 43], *л^ьымуылятылжэлаткын* ‘он рассказывал сказки’ [Там же, с. 25]. Подобный вариант обозначения мягкости согласного перед неопределенным гласным можно передать и в пределах одного регистра строки при помощи сочетания *ль*: *л^ьыляти* ‘посмотрел’. Все потенциальные читатели корякских текстов отлично владеют навыками чтения по-русски, поэтому воспринимают мягкий знак как показатель мягкости предшествующего согласного, что соответствует замыслу редакторов. Однако по правилам русской орфографии *ь* в позиции после согласного перед йотированными гласными *е, ё, ю, я* выполняет функцию разделительного и обозначает не только мягкость согласного, но и наличие [j] перед гласным: *веселье* [vʲesʲelʲje]. В русской системе письма принципиально невозможно сочетание *ьы*, что, вероятно, позволит воспринимать *ь* в составе данного сочетания только как показатель мягкости согласного.

Отсутствие в корякской письменности графического средства обозначения мягкого согласного перед редуцированным провоцирует и ошибочное написание суффикса со значением абстрактности. В корякском языке существительные с общим значением абстрактности образуются по модели: производящая основа + суффикс *-гыйу*.

Согласный [ʏ] в составе суффикса *-гыйу* произносится со смягчением [ʏʲ], поэтому некоторые редакторы и авторы корякских текстов, ориентируясь на произношение, последовательно отступают от словарного варианта и используют тот способ записи, который отражает палатализацию согласного [ʏʲ], но в то же время противоречит закону гармонии гласных.

Таблица 4

Орфограмма «Правописание суффикса *-гыйу*»

Источник	Ошибочная запись в публикации	Нормативная запись [Молл, 1960]	Перевод
[Икавав, 1986]	¹ гэвэгиуын (с. 13)	гэвэгыйуын	‘год’
	¹ энатгиуын (с. 11)	энатгыйуын	‘жизнь’
	¹ катгогиуын (с. 17)	катгогыйуын	‘сила’
	¹ пыттоңгиуын (с. 13)	пыттоңгыйуын	‘богатство’
[Бубенчикова, 1988]	¹ жэв’в’агиуын (с. 6)	жэв’в’агыйуын	‘опасность’
	¹ эватгиуын (с. 6)	эватгыйуын	‘работа’
	¹ яйв’ачгиуын (с. 11)	яйв’ачгыйуын	‘жалость’
(Дедык, 2010, рукопись)	¹ энакэтог’атгиуо	энакэтог’атгыйуо	‘воспоминания’
	¹ уыв’атгиуо	уыв’атгыйуо	‘ошибки’
	¹ яйгочав’ныгиуын	яйгочав’ныгыйуын	‘учеба’
	¹ кычвельгатгиуын	кычвельг’атгыйуын	‘веселье’

Показательно, что вопрос о правописании суффикса со значением абстрактности поднимался на страницах окружной газеты «Корякский коммунист» в рубрике «Изучаем корякский»: «В суффиксе отвлеченных существительных *-гыйу* слышится *-гийу-*, а пишется – *-гыйу-*, согласно закону гармонии гласных» [Шеянова, 1990, с. 5], однако связь между законом гармонии гласных и правописанием суффикса *-гыйу* не очевидна и требует объяснения.

Под влиянием суффикса *-гыйу* слабые гласные основы переходят в соответствующие сильные: *уйичвэтык* ‘играть’ → *оечватгыйуын* ‘игра’, *тэйкык* ‘делать’ → *тайкыгыйуын* ‘дело’, *нытпулюжин* ‘маленький’ → *ытполдгыйуын* ‘меньшинство’.

В суффиксе *-гыйу* неопределенный [э] представляет собой редукцию гласного [а]¹³, именно поэтому, присоединяясь к основе со слабыми гласными, суффикс *-гыйу* требует их перехода в сильные гласные: *гэвэк* ‘прожить год’ → *гэвэгыйуын* ‘год’, *юнэтык* ‘жить’ → *энатгыйуын* ‘жизнь’.

В текстах М. Ф. Икавав, Л. М. Бубенчиковой, Е. И. Дедык графическое оформление аффикса со значением абстрактности обусловлено действием фонематического принципа записи, однако при отсутствии возможности отразить редуцированный гласный после мягкого согласного редакторы используют букву *и*. Такая запись противоречит закону гармонии гласных, так как узкий гласный [i] является гласным I (слабого) ряда, в то время как под действием суффикса *-гыйу* гласные производящей основы преобразуются в гласные II (сильного) ряда.

Как показывает анализ текстов, трудность вызывает и написание глагольного суффикса *-уыйт* ‘добывать, промышлять’. Нормативное написание предполагает только один вариант записи – *-уыйт*: *ынныуыйтык* ‘добывать рыбу, рыбачить’ [Молл, 1960, с. 229]. Иной, отличный от словарного, вариант записи последовательно используют некоторые редакторы корякских текстов: *'ынныуыйтыкинэв'* ‘рыболовецкий’ [Бубенчикова, 1988, с. 6], *'ынныуыйтыгыйуын* ‘рыбная ловля’ [Харюткина, 2010, с. 90], *'таннууыйтыкин* ‘для рыбной ловли’ [Там же], *'куннууыйтыу* ‘идёт ловить рыбу’ [Икавав, 1986, с. 18]. Интересно, что редактор корякских текстов М. Ф. Икавав на полях соответствующего параграфа грамматики корякского языка, посвященного суффиксу *-уыйт*, карандашом сделала пометку: «*уыйт?*». В ходе редакторской подготовки корякских текстов М. Ф. Икавав целенаправленно отступала от нормативного написания данного суффикса. Кто же прав – составитель грамматики или редакторы корякских текстов? Будем рассуждать логически. Если в суффиксе *-у(ы/и)йт* гласный полного образования [i], то при подборе проверочного слова должен наблюдаться переход [i] → [e]. Парадоксально, но в методическом пособии, составленном носителем корякского языка, кандидатом филологических наук В. Р. Дедык последовательно приводятся формы, отражающие переход [i] → [e]: *ынныуыйтыма* ‘во время заготовки рыбы’ [Дедык, 2018, с. 17], *ынныуыйтынвыу* ‘чтобы заготовить рыбу’ [Там же, с. 18], данные формы как будто бы доказывают наличие в суффиксе *у(ы/и)йт* гласного полного образования [i]. По нашей просьбе чавчуженка Н. С. Кузнецова-Кергужье устно построила словоформу с данным суффиксом. Казалось бы, вот здесь и будет обнаружена истина, но носительница корякского языка озвучила два противоречащих друг другу фонетических варианта: *ынныуыйтыма* и *ынныуыйтыма*. Обнаруженная фонетическая вариативность доказывает объективность происходящего в корякском языке процесса разрушения гармонии гласных, этот процесс усиливается под воздействием фонетической системы русского языка, в котором сингармонизма нет.

Так как вопрос о правильности написания суффикса *-уыйт* не является очевидным, а лингвистический эксперимент дает противоречивые результаты, целесообразно придерживаться традиционного написания *-уыйт*, которое было утверждено в качестве нормативного в 1930-е гг.¹⁴ и, как следствие, закрепилось в более поздних изданиях.

Удвоение согласных на стыке морфем. Корякский язык относится к агглютинирующим с элементами инкорпорации. Морфемы присоединяются непосредственно друг за другом, при этом на стыке морфем происходит ассимиляция согласных, что и обуславливает появление сочетаний удвоенного согласного. Обычно удвоения согласных, объясняемые морфологически, не улавливаются на слух. В противоречие вступают два основных принципа орфографии: фонематический и морфологический, что провоцирует появление орфографических ошибок.

Вопрос о написании удвоенного сочетания согласных на стыке морфем касается глагольных словоформ, поэтому для грамотного написания необходимо восстановить начальную форму глагола и определить финальную фонему основы. Если основа оканчивается на согласный (например, *экмитык* ‘взять’), то при образовании соответствующих форм на стыке основы и формообразующего суф-

¹³ Исследователь чукотского языка П. Я. Скорик отмечал, что гласный [э] представляет собой либо упрощение гласного [а], либо упрощение гласного [е], так как в ходе исторических изменений гласные полного образования в некоторых позициях редуцировались до неопределенного краткого гласного [1961, с. 23].

¹⁴ В латинизированной системе письма, действующей для корякского языка с 1932 по 1937 г., для обозначения неопределенного гласного [э] использовалась буква *ь* (во всех позициях, кроме абсолютного начала слова). См. примеры из повести «Эвныто-батрак»: *оуьйтльнью* ‘чтобы заготовить дрова’ [Кеккетын, 1936, с. 12], *иуьйтк* ‘заготавливать дрова’ [Там же, с. 26], *qьjanьйтге* ‘набери веток тальника’ [Там же, с. 39].

фикса появляется удвоенное сочетание согласных: *к-акмэл-ла-у* ‘берут’, *т-экмин-нэв* ‘я взял их’, *экмин-нин* ‘он берет что-либо’, *н-экмин-нэ-в* ‘они берут их’. Если основа глагола оканчивается на гласный: *гитэ-к* ‘смотреть’, то удвоенного сочетания согласных на стыке морфем не наблюдается: *ко-гэ-та-ла-у* ‘они смотрят’, *ты-гитэ-нэв* ‘я посмотрел на них’, *гитэ-нин* ‘он посмотрел на кого-либо’, *нэ-гитэ-нэв* ‘они посмотрели на них’.

Таблица 5

**Орфограмма «Удвоенное сочетание согласных на стыке морфем»
(на примере издания фольклорных текстов [Икавав, 1986])**

Ошибочная запись в публикации	Нормативная запись	Перевод	Морфологический разбор	Начальная форма
Сочетание <i>лл</i> на стыке корня и суффикса <i>-лин</i> // <i>-лэн</i> , показателя пациенса или субъекта действия в форме прошедшего неочевидного времени (причастия прошедшего времени)				
¹ <i>гантоувалэнав</i> (с. 14)	<i>гантоуваллэнэв</i>	‘они созданы’	<i>га-нтоувал-лэна-в</i> PP-создать-3nsgP-PL	<i>йытоувэв-ык</i> ‘создать’
¹ <i>гатвагалэн</i> (с. 13)	<i>гатвагаллэн</i>	‘он сел’	<i>га-твагал-лэн</i> PP-сесть-3sgS	<i>вагал-ык</i> ‘сесть’
¹ <i>гатџалин</i> (с. 13)	<i>гатџаллин,</i>	‘он ранен’	<i>г-атџал-лин</i> PP-поранить-3sgP	<i>атџат-ык</i> ‘поранить’
¹ <i>гачачгалэн</i> (с. 18)	<i>гачачгаллэн</i>	‘засмеялся он’	<i>г-ачачгал-лэн</i> PP-засмеяться-3sgP	<i>ачачгат-ык</i> ‘засмеяться’
¹ <i>гэйгулэлин</i> (с. 13)	<i>гэйгулэллин</i>	‘известный’	<i>гэ-йгулэл-лин</i> PP-узнать-3sgS	<i>йыгулэт-ык</i> ‘узнать’
¹ <i>гэйиг’элинэв</i> (с. 13)	<i>гэйиг’эллинэв</i>	‘обрадовались они’	<i>гэ-йиг’эл-линэ-в</i> PP-обрадоваться-3nsgS-PL	<i>йиг’эт-ык</i> ‘обрадоваться’
¹ <i>гэюнэлинэв</i> (с. 13)	<i>гэюнэллинэв</i>	‘они жили’	<i>гэ-юнэл-линэ-в</i> PP-жить-3nsgS-PL	<i>юнэт-ык</i> ‘жить’
Сочетание <i>лл</i> на стыке корня и суффикса <i>-ла</i> , показателя мн. ч. агенса или пациенса действия в формах настояще-прошедшего и прошедшего завершённого времени				
¹ <i>каялау</i> (с. 15)	<i>каяллау</i>	‘падают’	<i>к-аял-ла-у</i> PRES-упасть-PL-PRES	аят-ык ‘упасть’
¹ <i>качачгалау</i> (с. 7)	<i>качачгаллау</i>	‘смеются’	<i>к-ачачгал-ла-у</i> PRES-смеяться-PL-PRES	<i>ачачгат-ык</i> ‘смеяться’
¹ <i>койылџалау</i> (с. 7)	<i>койылџаллау</i>	‘спят’	<i>ко-йылџал-ла-у</i> PRES-смеяться-PL-PRES	<i>йылџэт-ык</i> ‘уснуть’
¹ <i>кыг’анџалау</i> (с. 18)	<i>кыг’анџаллау</i>	‘не хотят’	<i>кы-г’анџал-ла-у</i> PRES-не хотеть-PL-PRES	г’энџэт-ык ‘не хотеть’
¹ <i>комуалай</i> (с. 7)	<i>комуаллай</i>	‘кричат’	<i>комуал-ла-й</i> кричать-PL-3sgS	<i>кумуэт-ык</i> ‘кричать’
Сочетание <i>нин</i> на стыке корня и суффикса <i>-нин(э)</i> // <i>-нэн(а)</i> , показателя пациенса и агенса действия в формах настоящего-прошедшего и прошедшего завершённого времени				
¹ <i>йылыџтэнин</i> (с. 15),	<i>йылыџтэнинин</i>	‘он вернул его’	<i>йылыџтэн-нин</i> вернуть-3sgA+3sgP	<i>йылыџэт-ык</i> ‘вернуть’
¹ <i>наннэпанав</i> (с. 5)	<i>наннэпаннав</i>	‘они развесили их’	<i>на-ннэпан-на-в</i> LowA-развесить-3nsgP-PL	<i>йыэпат-ык</i> ‘развесить’
¹ <i>нэкминэв</i> (с. 11)	<i>нэкмининэв</i>	‘они взяли их’	<i>н-экмин-нэ-в</i> LowA-взять-3nsgP-PL	<i>экмит-ык</i> ‘взять’
¹ <i>тынтоуванаэв</i> (с. 14)	<i>тынтоуваннав</i>	‘я создал их’	<i>ты-нтоуван-на-в</i> 1sgA-создать-3nsgP-PL	<i>йытоват-ык</i> ‘создать’
¹ <i>тынтыванаэв</i> (с. 18)	<i>тынтываннав</i>	‘я установил их’	<i>ты-нтыван-на-в</i> 1sgA-установить-3nsgP-PL	<i>йытват-ык</i> ‘установить’

Интересно, что в текстах встречаются примеры избыточного удвоения согласного [1]: *‘мыт-малгэталлан* [Дедык, 2010, предл. 41], норм. *мытмалгэталлан*¹⁵ ‘мы внимательно смотрели на него (неё)’. Так как основа глагола *гитэ-к* ‘смотреть’ оканчивается на гласный, удвоения согласного на стыке основы и формообразующего аффикса не происходит. Подобного типа от-

¹⁵ *Мыт-мал-гэ-та-ла-н* ‘1nsgA-очень-смотреть-PL-3sgP’ (мы пристально смотрели на него).

ступления от принятой орфографической нормы квалифицируются как орфографические ошибки гиперкоррекции [Парубченко, 2003, с. 23].

Заключение. В данной статье представлена первая попытка систематизации некоторых орфографических трудностей корякского языка. Ряд орфограмм, присущих корякской письменности, не исследуется рассмотренными в данной статье, поэтому требуется их дальнейшее выявление и анализ. Исследовательская работа в данном направлении позволит избежать ошибок в новых публикациях, в частности, при подготовке к изданию корякских фольклорных текстов в рамках двуязычной академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока».

Возможно, в качестве приложения к тому корякского фольклора следует подготовить список орфограмм с примерами и пояснениями, что создаст необходимые условия для адекватного восприятия национального текста в его письменной форме, а также предотвратит неизбежные вопросы (не)соответствия¹⁶ аудиозаписи устного фольклорного текста и письменного варианта его представления в виде публикации в томе.

Устная форма бытования корякского языка уходит в историю, поэтому особую роль в поддержании данной языковой традиции начинают играть письменные источники. Графико-орфографический аспект подготовки текстов на исчезающем языке требует пристального внимания, так как дает возможность представить языковой материал системно. В условиях отсутствия у потенциальных читателей слухового опыта восприятия корякской речи, графико-орфографическая единообразие – единственный путь к доступности письменных текстов на исчезающем национальном языке.

Список информантов

Аймык Лилия Александровна (корякское имя *Льг'атына*), родилась в 1970 г. в окрестностях с. Верхние Пахачи Олюторского района Корякского автономного округа (далее – КАО), носительница пахачинского говора чавчувенского диалекта корякского языка, в настоящее время проживает в г. Петропавловске-Камчатском.

Кузнецова-Кергуйе Надежда Семеновна (в девичестве Нутэнэут, корякское имя *Нутэнэв'ыт*), родилась в 1949 г. в окрестностях с. Верхние Пахачи Олюторского района КАО, носительница пахачинского говора чавчувенского диалекта корякского языка, в настоящее время проживает в пос. Энергетик Елизовского р-на Камчатского края.

Симонова Александра Алексеевна (в девичестве Кергильхот, корякские имена *Ётты, Мамак*), 1951–2016 гг., родилась в с. Ветвей Олюторского района КАО, носительница ветвейского говора чавчувенского диалекта корякского языка.

Тынетэгин Николай Иванович (корякское имя *Тынетэгин*), 1937–2020 гг., родился в окрестностях с. Таловки Пенжинского района КАО, носитель таловского говора чавчувенского диалекта корякского языка. Оленевод I класса, Заслуженный работник сельского хозяйства РСФСР.

Сведения об авторах, составителях и редакторах книг на корякском языке

Бубенчикова Любовь Максимовна (в девичестве Гивина), 1950–2021 гг., родилась в с. Ветвей Олюторского района КАО, после ликвидации села с родителями переехала в с. Хаилино Олюторского района, где и жила в течение всей жизни. Носительница чавчувенского диалекта корякского языка. Окончила Камчатский государственный педагогический институт по специальности «Учитель английского языка». Работала учителем, а затем директором Хаилинской средней школы. Перевела на корякский язык книгу рассказов Владимира Коятно «Рог вожака» [Бубенчикова, 1988].

Дедык Екатерина Ивановна (в девичестве Наривлич, по родному отцу Чечулина, корякское имя *Ёкав*), родилась в 1932 г. в окрестностях с. Воямполка Тигильского района Корякского национального округа, носительница чавчувенского диалекта корякского языка. Окончила филологический факультет ЛГПИ им. А. И. Герцена по специальности «Учитель русского языка и литературы. Учитель

¹⁶ Некоторое несоответствие аудиозаписи и печатного текста закономерно, так как в тексте тома планируется представить не фонетическую, а орфографическую запись фольклорных произведений на корякском языке.

корякского языка». Более 45-и лет работала журналистом в национальном отделе Окружного радио, член Союза журналистов СССР, награждена знаком «Отличник Всесоюзного радио и телевидения». Проживает в пос. Палана Тигильского района Камчатского края.

Дедык Валентина Романовна (в девичестве Ивкавав, корякские имена *В'ачаңа*, *Йыг'илгын*), родилась в 1962 г. в с. Верхние Пахачи Олюторского района КАО, носительница чавчувенского диалекта корякского языка. Окончила факультет северных народностей ЛГПИ им. А. И. Герцена по специальности «Учитель русского языка и литературы. Учитель корякского языка». В 2004 г. под руководством А. Н. Жуковой защитила кандидатскую диссертацию на тему «Аффиксальное словообразование в корякском языке». Автор учебников и методических пособий по корякскому языку, доцент кафедры родных языков, культуры и быта Камчатского института образования. Проживает в пос. Палана Тигильского района Камчатского края.

Жукова Алевтина Никодимовна, 1927–2018 гг., родилась в Ленинграде, в 1950 г. окончила факультет народов Севера ЛГПУ им. А. И. Герцена. В 1953 г. после обучения в аспирантуре Института языкознания АН СССР защитила кандидатскую диссертацию «Имя прилагательное в корякском языке»; в 1972 г. защитила докторскую диссертацию на тему «Грамматика корякского языка». С 1954 г. (с перерывами по 2018 г.) преподавала корякский и чукотский языки на факультете народов Севера ЛГПИ (затем в Институте народов Севера РГПУ) им. А. И. Герцена. Автор перевода «Евангелия от Луки» на корякский язык [Библия, 2005].

Икавав Мария Федоровна (в замужестве Ушакова, корякское имя *Тыммай*), 1948–1999 гг., родилась в с. Манилы Пенжинского района КАО. Носительница чавчувенского диалекта корякского языка. В 1972 г. окончила Хабаровский педагогический институт по специальности «Учитель русского языка и литературы». В 1977 г. после обучения в аспирантуре Московского научно-исследовательского института национальных школ защитила кандидатскую диссертацию по теме «Преподавание на русском и корякском языке детям в школах КАО». Работала в Камчатском областном институте усовершенствования учителей методистом, заведующей кабинетом национальных школ. Автор-составитель, редактор книг на корякском языке.

Пронина Евдокия Павловна (в девичестве Нинани, корякское имя *Каляг'ан*, эвенское имя *Кучукку*), родилась в 1960 г. в Петропавловске-Камчатском, росла в с. Хаилино Олюторского района КАО. Окончила Камчатское педагогическое училище, затем Камчатский педагогический институт. В течение года под руководством А. Н. Жуковой проходила обучение на курсах повышения квалификации учителей родного (корякского) языка при ЛГПИ им. А. И. Герцена. Работала учителем-методистом корякского языка, директором Корякского окружного института усовершенствования учителей. Составитель и редактор книг на корякском языке. В настоящее время живет в г. Советске Калининградской области.

Харюткина Галина Николаевна (корякское имя *Бэчгыу*), родилась в 1949 г. в с. Таловка Пенжинского района КАО. Окончила Камчатское педагогическое училище, затем Камчатский педагогический институт. Долгое время преподавала в Камчатском педагогическом училище корякский язык и методику его преподавания. Работала завучем Окружного института усовершенствования учителей, заместителем начальника Управления народного образования. Отличник народного просвещения РФ, составитель и редактор книг на корякском языке. В настоящее время живет в г. Санкт-Петербурге.

Условные обозначения

¹ – отступления от орфографической нормы; **1** – 1-е лицо деятеля ('я', 'мы'), **3** – 3-е лицо деятеля ('он', 'она', 'оно', 'они'), **A** – агенс, **LowA** – агенс действия, находящийся на нижней ступени иерархии активности, **nsг** – неединственное число, **P** – пациенс, **PL** – множественное число, **PRES** – настоящее время, **S** – субъект, **sg** – единственное число.

Список источников

- Библия, 2005 – *Ег’атпыуыл Луканин*. Евангелие от Луки на коряк. яз. / Пер. на коряк. яз. А. Н. Жуковой. М.: Институт перевода Библии, 2005. 176 с.
- Бубенчикова, 1988 – Коянто В. *Йыннылун инэллеч’ин*. Рог вожака / Пер. на коряк. яз. Л. М. Бубенчиковой. Петропавловск-Камчатский: Дальневост. кн. изд-во, 1988. 32 с.
- Дедык, 2010 – Дедык Е. И. Начальная школа. Рукопись на коряк. яз. Текст написан в 2010 г. в пос. Палана Тигильского р-на Камчатского края. Рукопись хранится в личном архиве Т. А. Голованевой.
- Икавав, 1986 – Килпалин К. *Г’амто, тийкытий!* Здравствуй, солнце! / Пер. на коряк. яз. М. Ф. Икавав. Петропавловск-Камчатский: Дальневост. кн. изд-во, 1986. 32 с.
- Кеккетын, 1936 – Кеккетын Кецай. *Еуһyto val’an. Panenatvyn*. Эвныто батрак. Рассказ на коряк. яз. / Под ред. С. Н. Стебницкого. Л.: Изд-во дет. лит-ры ЦК ВЛКСМ, 1936. 79 с.
- Кергильхот, 2019 – Тематический словарь чавчувенского диалекта корякского языка (по рукописям А. А. Кергильхот) // Мальцева А. А., Голованева Т. А., Тирон Е. Л. Голоса корякской культуры: Александра Кергильхот. Новосибирск: Академическое изд-во «Гео», 2019. С. 201–244.
- Нагаяма, 2020 – Нагаяма Ю. Материалы по языку нымыланов-алюторцев. Том 2. (Materials of Siberian Languages 7). Кусиро, 2020. 112 с.
- Тынетэгин, 2020 – Тынетэгин Н. И. Авторский чавчувенский словарь / Сост. Т. А. Голованева. Новосибирск, 2020. 164 с. URL: https://postnauka.ru/files/static/Tynetegin_N_I_Chavchuvenskiy_slovar.pdf
- Харюткина, 2015 – Чавчувенские и нымыланские сказки. *Чав’чывэн то нымылг’эн лымнылэ* [на русск. и коряк. яз.] / Сост., ред. Г. Н. Харюткиной. Петропавловск-Камчатский: Камчатпресс, 2015. 72 с.
- Нагаяма, Пронина, 2021 – Язык и жизнь. Биографические рассказы коренных народов Камчатки / Сост., ред. Ю. Нагаяма, Е. П. Прониной. Кусиро, 2021. 113 с.

Список литературы

- Голованева Т. А. Обоснование графического нововведения при публикации текстов на корякском языке (из опыта подготовки повестей Кецай Кеккетына к переизданию) // Первая конференция по уральским, алтайским и палеоазиатским языкам. Памяти А. П. Володина. Тезисы докладов междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 2018. СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 22–27.
- Голованева Т. А. Корякская письменность: проблемы функционирования // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2019. № 1 (33). С. 6–14.
- Голованева Т. А., Мальцева А. А. Голоса корякской культуры: Лилия Аймык. Новосибирск: Гео, 2015. 172 с.
- Дедык В. Р. Аффиксальный способ образования существительных в корякском языке: Метод. пособие. Петропавловск-Камчатский: Камчат. ИРО, 2016. 66 с.
- Дедык В. Р. Работа по звуковым закономерностям в корякском языке: Метод. пособие. Петропавловск-Камчатский: Камчат. ин-т ПКПК, 2015. 51 с.
- Жукова А. Н. Грамматика корякского языка. Фонетика. Морфология. Л.: Наука, 1972. 323 с.
- Кибрик А. Е., Кодзасов С. В., Муравьева И. А. Язык и фольклор якутов. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2000. 468 с.
- Корсаков Г. М. Нымыланско-(корякско-) русский словарь / Под ред. С. Н. Стебницкого. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1939. 343 с.
- Молл Т. А. Корякско-русский словарь / Под ред. И. С. Вдовина. Л.: Учпедгиз, 1960. 237 с.
- Молл Т. А., Инэнликэй П. И. Чукотско-русский словарь / Под ред. П. Я. Скорика. Л.: Учпедгиз, 1957. 196 с.
- Парубченко Л. Б. Ненормативное русское письмо (лингвистический анализ ошибок в употреблении букв). Барнаул: Изд-во Алтай. ун-та, 2003. 268 с.
- Скорик П. Я. Грамматика чукотского языка. М.; Л.: Наука, 1961. Ч. 1: Фонетика и морфология именных частей речи. 448 с.

Шеянова В. Изучаем корякский // Корякский коммунист. 1990. 6 окт. С. 5.

Языки малочисленных народов России: устное vs письменное. Тезисы докладов междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 4–6 декабря 2017 г. СПб.: ИЛИ РАН. 68 с.

References

Golovaneva T. A. Koryakskaya pis'mennost': problemy funktsionirovaniya [Koryak writing: functioning problems]. *Vestnik KRAUNTS. Gumanitarnye nauki*. 2019, no. 1 (33), pp. 6–14. (In Russ.).

Golovaneva T. A. Obosnovanie graficheskogo novovvedeniya pri publikatsii tekstov na koryakskom yazyke (iz opyta podgotovki povestey Ketsaya Kekketyna k pereizdaniyu) [Justification of the graphic innovation when publishing texts in Koryak language (from the experience of preparing the stories of Ketsai Kekketin for reprinting)]. In: *Pervaya konferentsiya po ural'skim, altayskim i paleoaziatskim yazykam. Pamyati A. P. Volodina. Tezisy докладов mezhdunar. nauch. konf. Sankt-Petrburg, 2018* [First Conference on Ural, Altai and Paleo-Asian languages. In memory of A. P. Volodin. Theses of the reports of the international scientific conference, St. Petersburg, 2018]. St. Petersburg, ILI RAS, 2018, pp. 22–27. (In Russ.).

Golovaneva T. A., Mal'tseva A. A. *Golosa koryakskoy kul'tury: Liliya Aymyk* [Voices of Koryak culture: Lilia Aymyk]. Novosibirsk, GEO, 2015, 172 p. (In Russ.).

Dedyk V. R. *Affiksaly'nyy sposob obrazovaniya sushchestvitel'nykh v koryakskom yazyke: Metod. posobie* [Affixal way of forming nouns in the Koryak language: Method. manual]. Petropavlovsk-Kamchatskiy, IRO, 2016, 66 p. (In Russ.).

Dedyk V. R. *Rabota po zvukovym zakonomernostyam v koryakskom yazyke: Metod. posobie* [Work on sound patterns in the Koryak language: Method. manual]. Petropavlovsk-Kamchatskiy, Kamchatka Institute of PKPK, 2015, 51 p. (In Russ.).

Kibrik A. E., Kodzasov S. V., Murav'eva I. A. *Yazyk i fol'klor alyutortsev* [Language and folklore of the Alutorians], Moscow, 2000, IMLI RAS, "Nasledie", 468 p. (In Russ.).

Korsakov G. M. *Nymylansko- (koryaksko-)russkiy slovar'* [Nymylan- (Koryak-) Russian dictionary]. S. N. Stebnitsky (Ed.). Moscow, Gos. izd. inostr. i nats. slovarey, 1939, 343 p. (In Russ., in Koryak).

Moll T. A., Inenlikey P. I. *Chukotsko-russkiy slovar'* [Chukot-Russian Dictionary]. P. Ja. Skorik (Ed.). Leningrad, Uchpedgiz, 1957, 196 p. (In Russ., in Chukot).

Moll T. A. *Koryaksko-russkiy slovar'* [Koryak-Russian dictionary]. I. S. Vdovin (Ed.). Leningrad, Uchpedgiz, 1960, 237 p. (In Russ., in Koryak).

Parubchenko L. B. *Nenormativnoe russkoe pis'mo (lingvisticheskiy analiz oshibok v upotreblenii bukvy)* [Profanity in Russian writing (linguistic analysis of errors in the use of letters)]. Barnaul, Altai Univ. Publ. H., 2003, 268 p. (In Russ.).

Sheyanova V. Izuchaem koryakskiy [Learning the Koryak language]. *Koryakskiy kommunist*. 1990, 6 Oct., p. 5. (In Russ.).

Skorik P. Ya. *Grammatika chukotskogo yazyka. Ch. 1: Fonetika i morfologiya imennykh chastey rechi* [Grammar of the Chukchi language. Pt. 1: Phonetics and morphology of nominal parts of speech]. Moscow, Leningrad, Nauka, 1961, 448 p. (In Russ.).

Yazyki malochislennykh narodov Rossii: ustnoe vs pis'mennoe. Tezisy докладов mezhdunar. nauch. konf. Sankt-Peterburg, 4–6 dekabrya 2017 g. [Languages of small-numbered peoples of Russia: oral vs written. St. Petersburg, December 4–6, 2017]. St. Petersburg, ILI RAS, 2017, pp. 17–18. (In Russ.).

Zhukova A. N. *Grammatika koryakskogo yazyka. Fonetika. Morfologiya* [Grammar of the Koryak language. Phonetics. Morphology]. Leningrad, Nauka, 1972, 323 p.

List of sources

Chavchuvenskie i nymylanskie skazki. Chav'chyven to nymylg'en lymnyle [Chavchuyen and Nymylan fairy tales]. G. N. Kharyutkina (Comp., ed.). Petropavlovsk-Kamchatskiy, Kamchatpress, 2015, 72 p. (In Russ., in Koryak).

Dedyk E. I. *Nachal'naya shkola. Rukopis' na koryak. yaz.* [Elementary school. The manuscript in Koryak]. 2010. Tekst napisan v 2010 g. v pos. Palana Tigil'skogo r-na Kamchatskogo kraya. Rukopis' khranitsya v lichnom arkhive

T. A. Golovanevoy [text was written in 2010 in Palana settlement, Tigilsky District, Kamchatka Territory. The manuscript is kept in the personal archive of T. A. Golovaneva]. (In Koryak).

Evangelie ot Luki na koryak. yaz. [The Gospel of Luke in the Koryak language]. A. N. Zhukova (Transl. into Koryak). Moscow, IBT, 2005, 176 p. (In Koryak).

Kekketyn Ketsay. *Ewŋ'to val'an. Panenatv'n. Evnyto batrak. Rasskaz na koryak. yaz.* [Ewnyto farm-hand]. S. N. Stebnitsky (Ed.). Leningrad, Publ. H. of children's literature of YCLM 1936, 79 p. (In Koryak).

Kilpalin K. *G'amto, tiykyty! Zdravstvuy, solntse!* [Hello, sunshine!] M. F. Ikavav (Transl. into Koryak). Petropavlovsk-Kamchatskiy, Far East. Publ. H., 1986, 32 p. (In Koryak).

Koyanto V. *Yynnylnyn inellechg'in. Rog vozhaka* [The leader's horn]. L. M. Bubenchikova (Transl. into Koryak). Petropavlovsk-Kamchatskiy, Far East. Publ. H., 1988, 32 p. (In Koryak).

Nagayama Y. *Materialy po yazyku nymylanov-alyutortsev. T. 2* [Materials of the Nymylan-Alutor language. Vol. 2]. Kusiro, 2020, 112 p. (Materials of Siberian Languages 7) (In Alutor, in Russ.).

Tematicheskij slovar' chavchuvenskogo dialekta koryakskogo yazyka (po rukopisyam A. A. Kergil'khot) [Thematic dictionary of the Chavchoven dialect of the Koryak language (based on the manuscripts of A. A. Kergil'khot)]. In: Mal'ceva A. A., Golovaneva T. A., Tiron E. L. *Golosa koryakskoy kul'tury: Aleksandra Kergil'khot* [Voices of Koryak culture: Aleksandra Kergil'hot]. Novosibirsk, GEO, 2019, pp. 201–244. (In Koryak, In Russ.).

Tynetegin N. I. *Avtorskiy chavchuvenskiy slovar'* [Author's Chavchoven dictionary]. T. A. Golovaneva (Comp.). Novosibirsk, 2020, 164 p.

URL: https://postnauka.ru/files/static/Tynetegin_N_I_Chavchuvenskiy_slovar.pdf

Yazyk i zhizn'. Biograficheskie rasskazy korennykh narodov Kamchatki [Language and life of peoples of Kamchatka: personal histories and memories]. Yu. Nagayama, E. P. Pronina (Comps, eds). Kusiro, 2021, 113 p. (In Koryak, in Russ., in Japan.).

List of tables

Table 1. Examples of spelling of the reduced vowel loss in the position between two consonants at the beginning of the word form

Table 2. Spectrographic analysis of the sound of the word *pəlakət* (national Koryak shoes)

Table 3. Orthogram “Choice of combinations of *ŷy* [jə] or *ŷu* [ji] in the root of a word”

Table 4. Orthogram “Spelling of suffix *-zŷyŷ* [-çəiŋ]”

Table 5. Orthogram “Double combination of consonants at the morpheme junction” (On the example of folklore texts (Ikavavav, 1986))

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
25.03.2021*

Сведения об авторе

Голованева Татьяна Александровна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)

E-mail: gta-77@mail.ru

ORCID 0000-0003-4980-8150

Information about the Author

Tatyana A. Golovaneva – Candidate of Philology, Senior Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

E-mail: gta-77@mail.ru

ORCID 0000-0003-4980-8150